

Илья Полонский

*БЕЗНАЧАЛЬЦЫ
И ЧЕРНОЗНАМЕНЦЫ*

анархисты начала XX века против
Российской империи

Илья Полонский
Безначальцы и чернознаменцы.
Анархисты начала XX века
против Российской империи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26712988
ISBN 9785448580260*

Аннотация

В книге рассказывается о малоизвестных, но очень драматических страницах в отечественной истории – борьбе радикальных анархистов против царской власти в первом десятилетии XX века. На страницах книги читатель познакомится с миром революционного подполья, полицейской провокации, перестрелок и покушений, сможет получить представление о том, кем были самые радикальные анархисты России начала XX века.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. как все начиналось	11
Политические эмигранты против любой власти	12
Первые анархистские группы за границей	18
Анархизм и еврейская эмиграция	22
Первые пропагандисты прибывают в Россию	27
Глава 2. Безначальцы: самые радикальные анархисты Российской империи	32
«Безначалие» родилось в Париже	33
Однофамилец царя по прозвищу «Бидбей»	35
В чем была суть идеологии безначальцев?	39
Дивногорский – необычный «толстовец»	44
Анархисты-общинники в Петербурге	49
Глава 3. Как город ткачей Белосток стал центром российского анархизма	56
Борьба группы «Борьба»	59
Коммунары и Белостокское восстание	69
Как анархисты развязали «экономический террор»	75
Слонимский побег	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

**Безначальцы
и чернознаменцы
Анархисты начала
XX века против
Российской империи**

Илья Полонский

© Илья Полонский, 2017

ISBN 978-5-4485-8026-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Анархия значит безвластие. Анархисты – радикальные противники любой власти, в первую очередь – государственной. Анархизм как политическое учение и как личностное мировоззрение идет вразрез с любой из общепринятых политических доктрин и систем. «Ни бога, ни властелина!» – этот старинный лозунг как нельзя лучше передает сущность анархистского учения. Хотя с религией некоторые анархисты все же шли на компромисс, – существует даже т.н. «христианский анархизм», ярчайшим представителем которого был Лев Толстой. Но что касается власти мирской, государственной, то в этом вопросе анархисты всегда были едины. И всегда были самыми последовательными и решительными противниками любых государств, вне зависимости от формы правления, территориального устройства или отношения к собственности.

Анархистов никогда не баловали вниманием. Чаще всего, про существование анархистов просто молчали. Когда же официальная государственная наука, литература или кинематограф удосуживались бросить взгляд на противников власти, то практически всегда изображали их в настолько окарикатуренном или искаженном виде, что истинное лицо анархизма терялось начисто.

Редкие работы, посвященные российскому анархистско-

му движению первой четверти XX века, изданные в советское время, предельно идеологизированы и посвящены скорее не изучению деятельности российских анархистов, а их критике, о чем свидетельствуют даже сами названия этих работ. Лишь в изданной в 1969 году работе В.В.Комина делалась попытка представить историю российского анархистского движения начала XX века в более-менее целостном виде.

Несмотря на то, что «эпоха гласности» открыла многие замки, российское анархистское движение начала XX века и сегодня остается одним из наиболее неизученных феноменов политической жизни Российской империи. В большинстве учебников по истории России, политических партий и общественных движений анархисты не упоминаются или упоминаются вскользь. Только во второй половине 1990-х годов увидело свет несколько изданий, посвященных именно российскому анархистскому движению и, следовательно, содержащих информацию и о деятельности российских анархистов в начале XX века. Большую роль сыграл выход в свет двухтомника «Анархисты. Документы и материалы», представляющего собой собрание некоторых документов русских анархистских групп, существовавших как в России, так и в эмиграции, в период с 1883 по 1935 гг. Первый том этого сборника содержит документы и материалы русских анархистов и в период с 1903 по 1908 гг. – т.е., в интересующий нас отрезок времени.

Следует также отметить, что деятельность российских анархистов-коммунистов в первое десятилетие XX века стала предметом рас-смотрения ряда исследователей, посвятивших свои работы изучению истории анархистских групп и объединений в отдельно взятых регионах страны. Был защищен ряд диссертаций по отдельным аспектам истории анархизма, по истории анархистского движения в тех или иных областях Российской империи в период с начала XX века и до установления советской власти.

Кроме того, ряд работ по истории анархистского движения в отдельных регионах страны появился в периодических изданиях современных последователей анархизма. Но они, приоткрывая завесу замалчивания над богатой историей анархистского движения России, лишь демонстрируют нам, насколько неизученной и малоизвестной является данная тема и сколько еще предстоит сделать людям, взявшим на себя труд по исследованию истории российского анархизма.

Представленная вашему вниманию книга не претендует на полный охват темы. Да и невозможно одной книгой ограниченного объема полноценно осветить деятельность российских анархистских групп даже в столь небольшой, как кажется, отрезок времени с 1903 по 1908 гг. Более подробное и объемное изложение истории российского анархизма – дело будущего.

К 1907 году, по данным статистики, в Российской им-

перию действовало 255 анархистских групп, охватывавших 180 городов и населенных пунктов и 58 губерний, а общая численность их участников достигала 5—7 тысяч человек. Безусловными центрами были Белосток, Одесса и Екатеринослав, отметились в качестве значительных очагов движения также Варшава, Рига, Вильно, Гродно, Сморгонь, Брест-Литовск, Барановичи, Минск, Киев, Кишинев, Бердичев, Житомир, Нежин, Севастополь, Ростов-на-Дону, Екатеринодар, Армавир, Майкоп, Тиф-лис, Баку, Нижний Новгород, Москва, Санкт-Петербург, но и кроме них анархисты действовали в десятках городов, местечек и даже деревень.

Вопреки советской историографии, определявшей анархизм как «мелкобуржуазное» или «люмпенское» движение, следует отметить, что действовавшие в Российской империи в начале XX века анархистские группы, по преимуществу, состояли из ремесленников, рабочих и учащихся. Так, украинский историк А.В.Дубовик, исследуя состав екатеринославских анархистов, действовавших в 1905—1906 гг., установил личности 95 человек, род занятий был установлен для 51 человека, причем определено, что 40 человек из них (78,4%) были рабочими, 3 человека (5,9%) – военнотружущими (в том числе дезертирами), 2 (3,9%) – крестьянами, 2 – служащими, 2 – учителями, 1 – торговцем и 1 – иконописцем.

Разумеется, каждый регион имел свою специфику, где-то среди анархистов преобладали рабочие, где-то – ремеслен-

ники или учащиеся, но одно можно сказать с полной уверенностью – «мелкобуржуазными» по своему составу анархистские группы не были, а объединяли представителей различных групп трудящегося населения, в первую очередь – трудящихся по найму, т.е. пролетариев.

Российский анархизм начала XX века не был единым ни в идеологи-ческом, ни в организационном отношениях. Существовали группы приверженцев самых разных направлений в анархизме: анархисты-коммунисты (хлебовольцы, безначальцы, чернознаменцы), анархисты-синдикалисты, «махаевцы», «янковисты-синдикалисты», анархисты-ассоциационеры, анархисты-индивидуалисты, «мистические» анархисты, толстовцы и т. д.

Подавляющее большинство сторонников безвластия в начале XX века называли себя анархистами-коммунистами и, в той или иной степени, придерживались общих постулатов, заложенных П. А. Кропоткиным. Внутри анархистов-коммунистов, помимо ортодоксальных кропоткинцев, называвших себя хлебовольцами, выделялось и два более радикальных направления – безначальцы и чернознаменцы. Им, в основном, и уделено внимание на страницах представляемой вниманию читателя книги.

Деятельность безначальцев и чернознаменцев развивалась, в первую очередь, в западных регионах Российской империи – в городах и местечках Белоруссии, Украины, Литвы и русской части Польши, а также в Прибалтике. По-

этому и на страницах книги рассказывается, прежде всего, про анархистские группы Белостока, Варшавы, Минска, Риги, Екатеринослава, Одессы, Киева. Упоминается и Санкт-Петербург, в котором действовала группа безначальцев, называвшая себя «анархи-стами-общинниками». Кроме того, особое внимание уделено действиям анархистов на Кубани, на Северном Кавказе и в Закавказье, поскольку этот регион также стал одним из центров деятельности анархистов-коммунистов и анархистов-синдикалистов в период 1905—1910 гг.

Глава 1. как все начиналось

В конце XIX века анархизм еще не получил широкого распространения в пределах собственно Российской империи. Бунтарские идеи Михаила Александровича Бакунина пользовались определенным влиянием в среде народников, но анархистами народники себя не называли. Сложилась парадоксальная ситуация: в стране, давшей к концу XIX века двух столь выдающихся мыслителей-анархистов – Михаила Бакунина и Петра Кропоткина (сюда можно приплюсовать и Льва Толстого, которого часто считают представителем христианского анархизма), – практически не было их последователей, которые назвали бы себя анархистами.

Политические эмигранты против любой власти

В Швейцарии и Бельгии, в Испании и Италии, во Франции и даже в «благовоспитанной» Англии действовали анархистские федерации, в орбиту анархистской пропаганды включались тысячи рабочих и крестьян. Русских же анархистов практически не было. Они встречались лишь среди русских революционеров в эмиграции: так, в 1873 году в Женеве существовала группа, созданная молодым сподвижником Бакунина румыном Замфиром Арборе – Ралли.

Замфир Константинович Ралли-Арборе (1848—1931), молдавско-румынский революционер-народник, в революционном движении участвовал с середины 60-х гг. XIX века, сблизившись, во время учебы в Московском университете и, позже, – в Петербургской медико-хирургической академии, – с русской радикальной молодежью. В 1870—1879 проживал в Швейцарии, руководил анархистским кружком. В 1879 г. переехал в Румынию, где стал одним из организаторов местного революционного движения и спустя почти тридцать лет, в начале XX века оказывал помощь осевшим в Румынии матросам – участникам восстания на броненосце «Потемкин». (Подробнее о З. Ралли см.: Корбу Х. Г. Замфир Арборе – пропагандист идей социализма. – журн. «Днестр», 1959, №3). В бакунистском Интер-

национале состояли русские революционеры М. П. Сажин, Н.В.Жуковский, к Бакунину был близок бежавший из России каракозовец Н.В.Соколов.

Ралли переправлял в Россию, через Румынию и свою родную Бессарабию, бакунистскую литературу, изданную в Женеве, но к созданию сколько-нибудь значительного анархистского движения это так и не привело. Хотя идеи Бакунина оказали существенное влияние не только на русское народническое движение, но и на румынских и болгарских революционеров, тесно сотрудничавших с русским в деле транзита нелегальной литературы.

Одно время с Бакуниным сотрудничал печально известный «циник революции» – молодой революционер Сергей Нечаев, создавший общество «Народная расправа» и прославившийся своим «Катехизисом революционера». Но Нечаев ориентировался скорее на создание тайных групп якобинско-бланкистского образца, чем на развертывание в империи массового анархического движения. Вдобавок, используемые им методы создания тайной группы путем прямой лжи, дезинформации участников, шантажа, угроз и, наконец, «внутрипартийных чисток», не совсем вязались с анархистским мировоззрением.

В конце концов, нечаевская «Народная расправа» была разгромлена полицией, а сам Нечаев брошен в тюрьму, где, кстати, проявил себя незаурядным агитатором, сумев распропагандировать значительную часть охранявших его

солдат конвойного подразделения. Спустя годы нечаевский опыт создания жесткой дисциплинированной организации пришелся, как нельзя, кстати, но не анархистам, а большевикам-ленинцам.

К восьмидесятым годам XIX века, когда часть народников была казнена или отправлена на каторгу, а часть перешла на марксистские позиции и стала предтечей Российской социал-демократической рабочей партии, русское анархистское движение представлял, по сути, только живущий за границей Петр Кропоткин да немногочисленные его соратники, которых можно было пересчитать по пальцам.

Еще в 1876 году Петру Кропоткину, в прошлом – офицеру и путешественнику, а затем видному ученому – естествоведнику, удалось совершить побег из Петропавловской крепости и переправиться через границу. В нейтральной и демократичной Швейцарии Кропоткин примкнул к Юрской федерации – местной секции бакунистской части Интернационала. С ее участниками он был знаком еще по первой поездке в Юрские горы в 1872 году. Тогда швейцарские часовщики – бакунисты так очаровали русского революционера, что он покинул маленькую горную республику уже убежденным анархистом социалистической направленности: «И когда, проживши неделю среди часовщиков, я уезжал из гор, мой взгляд на социализм уже окончательно установился. Я стал анархистом», – писал Петр Кропоткин в «Записках революционера» (Кропоткин П. А. Записки революционера.

М., 1966).

В 1876—1882 гг. Кропоткин жил в Швейцарии, которая и к началу 80-х годов оставалась главным международным центром деятельности анархистов. Там он принимал самое активное участие в повседневной деятельности Юрской федерации, поведав об этом интересном периоде своей жизни в «Записках революционера».

Анархизм в Российскую империю вернули политэмигранты. Но в 1882 году Кропоткину пришлось покинуть Швейцарию – Федеральный совет страны принял решение об его высылке. После некоторого времени проживания во Франции, Кропоткин перебрался в Лондон – давнее пристанище всех политических эмигрантов и оппозиционеров едва ли не всей планеты, и оставался в английской столице вплоть до Февральской революции в России в 1917 году. В эмиграции Петр Кропоткин и сформулировал основные положения нового направления в анархизме – анархо-коммунизма, сочетавшего принципы безвластия и индивидуальной свободы с коммунистической организацией производства и распределения.

В отличие от страстного ниспровергателя основ общества Бакунина, Кропоткин более внимательно и взвешенно подходил к вопросу организации анархического общества. Оно представлялось ему в виде федерации свободных коммун, или общин, в которых будут ликвидированы всякое принуждение, всякая эксплуатация и всякое разделение труда. Иде-

ал общественного устройства, предложенный Кропоткиным и наиболее полно выраженный им в знаменитой книге «Хлеб и воля», привлек к анархизму внимание большего количества людей, нежели концепции бакунизма, уделявшие больше внимания именно аспектам критики и ниспровержения государственного устройства.

Но со своими соотечественниками Кропоткин практически не работал. Эмигранты, как правило, сочувствовали марксизму, а то и вовсе оказывались провокаторами и проходимцами. Поэтому ближайшими друзьями и соратниками Петра Алексеевича были французский географ и революционер Элизе Реклю, итальянец Эррико Малатеста, но русские (выходцы из Российской империи) в этом списке практически отсутствовали.

Исключение представлял собой Варлаам Николаевич Черкезов (1846—1925). Выходец из грузинской княжеской семьи (его настоящие фамилия, имя и отчество звучали так: Черкезишвили Варлаам Асланович), Черкезов был на четыре года младше Кропоткина, успел поучаствовать в нечаевском кружке, и в том же 1876 году, что и Кропоткин, совершить побег из мест заключения и эмигрировать за границу. После Лионского процесса 1882 года, когда Кропоткина заключили в тюрьму во Франции, Черкезов на некоторое время отошел от политической деятельности и отправился странствовать по Восточной Европе, перебиваясь поденными работами. Через Австро-Венгрию, Румынию и Турцию

он в 1885 году нелегально пробрался в Грузию и устроился в селе Мухрани учителем детей княгини А. Мухранской. Впрочем, в 1892 году Черкезов снова эмигрировал и поселился в Лондоне, сотрудничая в анархистских журналах и ведя полемику с социал-демократами.

Первые анархистские группы за границей

К концу XIX века Кропоткин и Черкезов, которым было под шестьдесят, оставались старейшими участниками российского анархистского движения. Все остальные люди, прикnuвшие в 90-е годы к анархизму, были значительно младше. Но именно им суждено было стать непосредственными основателями первых групп русских анархистов-коммунистов – сначала за границей, а затем и на территории Российской империи.

На рубеже веков, как и во время Бакунина, подлинным центром русской революционной эмиграции стала Швейцария, прежде всего – Женева. Республика продолжала притягивать к себе политически озабоченную часть русского студенчества. Многим студентам идеи революционного преобразования современного им общества были совсем не чужды. В 1892 году, спустя почти двадцать лет после кружка Замфира Ралли, здесь возникла группа русских анархистов. Она почти целиком состояла из представителей учащейся молодежи.

Ее идейным вдохновителем и неформальным лидером был двадцатичетырехлетний студент-медик Александр Моисеевич Атабемян (1868—1933), сын армянского врача из города Шуша. Заинтересовавшись анархо-коммунистиче-

скими идеями, Атабекян бросил армянскую социалистическую партию «Гнчак», к которой примыкал в первые годы своей учебы в Швейцарии, и всецело отдал себя анархизму.

Анархизм в Российскую империю вернули политэмигранты. Летом 1893 года Атабекян, вместе со своим товарищем болгаринном П. Стояновым, съездил в Лондон, где лично познакомился с Петром Кропоткиным и стал одним из его ближайших друзей и соратников (достаточно сказать, что спустя почти тридцать лет, в 1921 году, именно Александр Атабекян как врач дежурил у постели умирающего Петра Кропоткина). Созданная Атабекяном «Анархистская библиотека» издала несколько работ Бакунина, Кропоткина и Малатесты, подготовив, тем самым, почву для деятельности следующих анархистских кружков. Примечательно, что в отличие от подавляющего большинства анархистов, Атабекян не скрывал своих патриотических позиций в годы Первой мировой войны, успел послужить военным врачом.

В 1900 году в той же Женеве была создана Группа русских анархистов-коммунистов за границей, которой было суждено стать уже непосредственной предшественницей анархистского движения на территории собственно Российской империи. Костяк группы составляли молодые выходцы из России – Мендель Дайнов, Шломо Каганович и Георгий Гогелиа. Ведущую роль на первых порах играл двадцатисемилетний Дайнов. Уроженец Полтавы, сын еврейского купца, Мендель Эммануилович Дайнов (1873 – после 1909) изучал ме-

дицину в Харьковском университете, а потом решил продолжить образование в университете Женевы. Здесь он и познакомился с деятельностью анархистов, став сторонником идей П.А.Кропоткина.

Георгий Ильич Гогелиа (1878—1924) перебрался за границу после того, как разочаровался в религиозной карьере и бросил Кутаисскую духовную семинарию. Молодого грузина больше привлекала химия, чем теология, и он поступил в Лионское агрономическое училище во Франции, а затем в Женевский университет. В 1900 году он примкнул к анархистскому кружку и стал одним из самых видных деятелей российского и грузинского анархизма начала XX века. Гогелиа, как и его соплеменник Черкезов, поддерживал учение Кропоткина. Вдохновленный выходом в 1902 году в Лондоне книги Кропоткина «Хлеб и воля», Гогелиа вместе со своей женой Лидией Владимировной Иконниковой создал летом 1903 года в той же Женеве новый анархистский кружок – Женевскую группу анархистов-коммунистов «Хлеб и воля». Этот кружок, созданный в эмиграции, положил начало ортодоксально-кропоткинскому, «хлебовольческому» направлению в русском анархо-коммунистическом движении.

Для пропаганды анархо-коммунистических идей участники группы в августе 1903 года выпустили в Женеве первый номер новой русскоязычной анархистской газеты «Хлеб и воля». В качестве эпиграфа к газете были избраны слова М.А.Бакунина – «Дух разрушающий есть в то же время со-

зидающий дух!». Главной же задачей издания ставилась пропаганда анархо-коммунистических идей на территории собственно Российской империи, что было несомненным шагом вперед, по сравнению с кружковщиной предыдущих лет. К работе над «Хлебом и волей» Гогелиа, помимо своей жены Иконниковой, привлек еще одного грузинского анархиста Михако Церетели, а в марте 1904 года в газете стали печататься такие видные представители русского эмигрантского анархизма как Петр Кропоткин, Варлаам Черкезов и Мария Гольдсмит-Корн.

Главной проблемой, с которой столкнулись издатели «Хлеба и воли», стал вопрос о финансировании издательской деятельности. У студентов и маргиналов, входивших в группу, вряд ли было достаточно денежных средств для издания газеты. Совестно было просить и у П. Кропоткина, также далеко не роскошествовавшего. И тут, как нельзя кстати, пришлась спонсорская помощь евреев, эмигрировавших из России в Соединенные Штаты Америки и объединенных в Американскую федерацию евреев-анархистов. Многие из них располагали весьма значительными денежными средствами.

Анархизм и еврейская эмиграция

Как известно, евреям в царской России жилось совсем не сладко. Ростовщиками и зажиточными торговцами были лишь единицы, большинство же евреев жило в тяжких условиях, испытывая двойной гнет – социальный и национальный. Поэтому вполне естественно, что в 80-е – 90-е годы XIX века еврейская эмиграция из западных областей Российской империи (Польша, Литва, Белоруссия, Молдавия) в Соединенные Штаты Америки и другие страны Запада стала массовой. Евреи покидали «черту оседлости», отправляясь в поисках лучшей жизни на Запад, прежде всего – в Соединенные Штаты Америки, где сформировались внушительные еврейские диаспоры выходцев из Российской империи.

Большинство евреев – эмигрантов, как и все другие новопоселенцы, занимались исключительно трудовой или коммерческой деятельностью и решали бытовые вопросы своего обустройства на новом месте – где жить, как жить, чем зарабатывать, где учить детей и так далее. Однако образовалась среди них и политизированная прослойка, включавшая в себя как еврейских националистов, так и последователей различных революционных движений. Здесь следует отметить, что пионеры еврейского анархизма происходили из достаточно авторитетных семейств. Они получили хорошее образование в иудейской традиции: Яков Меир Залкинд, на-

пример, был внуком хасидского раввина Менахема-Мендла Дун-Йахья, возводившего свой род к португальским сефардам, а Яков Ерухимович происходил из рода знаменитого средневекового комментатора Раши.

В Соединенных Штатах Америки еврейские эмигранты, симпатизировавшие революционным идеям, сближались с эмигрантами немецкими, среди которых анархистское движение давно пользовалось влиянием. Благо идиш напоминал немецкий и они могли общаться без языковых барьеров, которые возникали, скажем, с итальянцами или выходцами из стран Латинской Америки. Идейным вдохновителем американских анархистов в то время был немец Иоганн Мост – последователь Бакунина и сторонник методов «прямого действия». Его ближайшими последователями стали евреи – выходцы из России Эмма Голдман и Александр Беркман.

Эмма Голдман (1869—1940) родилась в еврейской семье в Ковно. Революционными идеями она увлеклась очень рано и, к семнадцати годам, ко времени эмиграции в Америку, успела поработать на одной из петербургских фабрик, знакомясь с условиями труда, жизнью и бытом работниц. Обосновавшись в Нью-Йорке, Эмма быстро выучила английский и благодаря своим способностям стала одним из неформальных лидеров американского анархистского движения. Вместе со своим другом Александром Беркманом (1870—1936) она создала сеть еврейских анархистских рабочих групп «Пионеры свободы».

Беркман, воспитывавшийся в богатой религиозной семье в Вильно и посещавший в детстве хедер, был исключен из гимназии за написание богоборческого эссе. Беспокойная натура юноши заставила его искать счастья за океаном, куда он и эмигрировал в 1888 году. Не зная языка, без копейки денег, юный Беркман мыкался по Нью-Йорку, работая разносчиком газет. Установив связи с такими же, как и он сам, евреями-эмигрантами, симпатизировавшими анархизму, он подружился с Эммой Голдман и стал одним из наиболее значимых американских анархистов. В 1892 году двадцатидвухлетний Беркман совершил покушение на К. Фрика – управляющего концерна Карнеги в Питтсбурге, выразив тем самым солидарность с бастующими рабочими. За это нападение, ставшее одной из самых громких акций прямого действия американских анархистов, Беркмана осудили на 22 года заключения.

В последнее десятилетие XIX века США стали центром еврейского анархистского движения. 25 февраля 1889 года в Нью-Йорке вышла первая анархистская газета на идиш «Ди Вархайт», которую редактировали доктор Гилель Золотарев, поэт Давид Эдельштадт и один из старейших еврейских анархистов Йосеф Яффа. В 1890 году последовало создание новой газеты – еженедельника «Die Freie Arbeiter Stimme» («Вольный рабочий голос»).

Но, в силу географической удаленности Соединенных Штатов, американское еврейское анархистское движение

не могло оказывать непосредственного влияния на формирование первых российских анархистских групп. Более плотно с русскими эмигрантами взаимодействовали еврей-анархисты, жившие в Лондоне. Как отмечает исследователь еврейского анархизма Моше Гончарок, прежде, начиная с позднего средневековья и вплоть до второй половины XIX века, большую часть еврейской общины Лондона составляли потомки испанских и португальских сефардов, бежавшие от католической реакции. Но, начиная с 1870-х гг. резко увеличился процент евреев – выходцев из Восточной Европы, в первую очередь – из Российской империи. Среди них, в первую очередь, и распространился анархизм, с помощью которого они надеялись установить царство безвластия, расправившись с реальными и мнимыми виновниками своих проблем.

В английской столице анархисты вели пропаганду среди еврейского пролетариата, населявшего бедняцкий квартал Уайтчепель. Еще в 1885 году здесь был основан Международный клуб по просвещению трудящихся, который, впрочем, чаще именовали по названию улицы, на которой он находился, «Бернер-стрит клуб». Частым гостем в нем был П. А. Кропоткин: женатый на еврейке Софье Рабинович, Кропоткин вообще пользовался большим уважением в среде еврейских эмигрантов. Под его влиянием многие еврейские эмигранты, прежде симпатизировавшие социал-демократам, перешли на позиции анархизма.

С 15 июля 1885 года на языке идиш выходила еженедельная анархистская газета «Der Arbeiter Freund». В 1890—1894 гг. ее редактировал приехавший из США Шауль-Йосеф Яновский (1864—1939), уроженец Пинска, эмигрировавший в Америку в двадцать один год и к 1889 году ставший одним из ведущих американских еврейских анархистов. Позже его сменил на этой должности знаменитый немецкий анархист Рудольф Роккер, специально выучивший идиш для налаживания связей с еврейским пролетариатом.

Первые пропагандисты прибывают в Россию

К началу 1900-х гг. только в Лондоне действовало 17 еврейских анархистских групп, в том числе 16 из них действовали постоянно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что если взор русской учащейся молодежи направлялся в конце XIX – начале XX вв. на Швейцарию, то еврейские пролетарии из «черты оседлости» устремлялись в английскую столицу, где можно было легко связаться с соплеменниками. Одним из таких молодых еврейских рабочих был и Шломо Хаимович Каганович (1879 – после 1909), один из первых пропагандистов анархизма на территории Российской империи, известный в анархистском движении также под псевдонимом «Зейдель».

Уроженец Белостока, небольшого города в «черте оседлости» (ныне – восток Польши, граница с Белоруссией), Каганович не был выходцем из обеспеченной семьи. Жизненный путь юноше пришлось начинать носильщиком, а в 1897 году восемнадцатилетний белосточанин в поисках лучшей доли отправился за границу. Великобритания, Испания, Франция... В Швейцарии пути Кагановича пересеклись с Группой русских анархистов-коммунистов за границей. И в 1900 году он стал идейным анархистом – сторонником кропоткинского направления.

Выходец из западных областей Российской империи, рабочий, еврей по национальности, Каганович был идеальной кандидатурой на роль агитатора, посылаемого в Россию. Кому еще, как не Кагановичу, удалось бы столь же легко войти в контакт с еврейскими рабочими и ремесленниками в «черте оседлости» и создать из них анархистские кружки? В январе 1903 года Шломо Каганович по поручению женеvских и лондонских товарищей прибыл в Россию, остановив выбор на своем родном Белостоке. Именно с этого города и началось массовое распространение анархизма в западных регионах Российской империи, поскольку здесь возникли первые в стране анархистские группы, практически полностью укомплектованные еврейской молодежью из пролетарской и ремесленной среды.

Практически одновременно с появлением группы анархистов-коммунистов «Борьба» в Белостоке, первые анархисты начали свою деятельность и на Украине, в городе Нежин. К началу XX века Нежин, расположенный несколько юго-восточнее древнего Чернигова и входивший в состав Черниговской губернии, представлял собой маленький провинциальный городок. Несмотря на 45-50-тысячное население, в Нежине практически отсутствовали заводы и фабрики, а значит и промышленный пролетариат. Центр города населяли мещане, на окраинах преобладали крестьянские хозяйства. И та, и другая категории населения, мягко говоря, отличались от белостокских евреев – рабочих и ремесленников,

среди которых анархизм начал свои первые шаги по Российской империи.

Летом 1903 года в Нежине начал свою работу один весьма активный анархист (в статье «Первые шаги анархизма на Украине», опубликованной в Анархистском Альманахе 1909 года, его называют «товарищ Р.», будем придерживаться этой традиции и мы). Получить литературу из-за границы ему не удалось, с единственной тогда в стране белостокской группой связи отсутствовали, поэтому около восьми месяцев он ограничивался устной агитацией.

Незадолго до начала анархистской агитации, в мае 1903 года, в селе Володьковой Девиче Нежинского уезда произошел аграрный бунт, вылившийся в открытое противостояние крестьян села с командированной со всей губернии полицией. Подобные бунты произошли и в ряде других сел уезда. Происходящее натолкнуло работавшего в Нежине анархиста Р. на мысль, что черниговское крестьянство представляет собой наиболее восприимчивый к анархизму контингент. Вскоре он познакомился с наиболее грамотными в политическом плане и активными крестьянами и решил создать кружок пропагандистов для работы в сельской местности. Разумеется, на роль пропагандистов лучше всего подходили учащиеся – молодые, активные и протестно настроенные. Р. стал работать с учащейся молодежью Нежина, параллельно вынашивая идею о создании анархистской рабочей группы в одном из крупных промышленных центров

Российской империи. Такую группу можно было создать, составив ее ядро из нескольких подходящих товарищей из среды учащейся молодежи.

В городе действовали мужская и женская гимназии, низшее техническое училище, два городских училища и даже высшее учебное заведение – Историко-филологический институт князя Безбородко. К моменту начала анархистской агитации среди учащихся этих заведений уже работали социал-демократы из партий «Бунд» и РУП, работавших, соответственно, среди еврейской и украинской молодежи. Поскольку анархисты с самого начала пользовались влиянием в Нежинском низшем техническом училище, где основной частью учащихся были дети зажиточных крестьян, группе не составило особого труда установить связи с крестьянским населением сел, из которых происходили активисты-учащиеся. Пока Р. вел агитацию среди студенчества, гимназистов и отдельных крестьян, ремесленный пролетариат Нежина оставался не охваченным анархистской пропагандой.

Между тем, в городе, при отсутствии промышленных пролетариев, все же проживало несколько сотен ремесленных рабочих – преимущественно, евреев по национальности (Нежин входил в «черту оседлости»). Весной 1904 года из черниговской тюрьмы освободилось несколько нежинских рабочих. Они наладили контакты с Р. и попросили его рассказать об анархистском учении. Своеобразные «культпросветовские» занятия проходили почти ежедневно

и, в конце концов, склонили этих рабочих на сторону анархизма. Так была создана Нежинская группа анархистов-коммунистов, фактически ставшая второй по времени появления, после Белостокской группы «Борьба», анархистской организацией в Российской империи.

Глава 2. Безначальцы: самые радикальные анархисты Российской империи

Период с 1905 по 1907 гг. можно назвать едва ли не наиболее активным в истории российского анархистского движения. Кстати, само анархистское движение никогда не было единым и централизованным, что объясняется, прежде всего, самой философией и идеологией анархизма, в котором существовало множество течений – от индивидуалистических до анархо-коммунистических.

По отношению к методам действий анархисты также разделялись на «мирных», или эволюционных, ориентированных на долговременный прогресс общества или создание коммунитарных поселений «здесь и сейчас», и революционных, которые, как и социал-демократы, ориентировались на массовое движение пролетариата или крестьянства и выступали за организацию профессиональных синдикатов, анархических федераций и прочих структур, способных свергнуть государство и капиталистическую систему. Наиболее радикальное крыло революционных анархистов, о котором и пойдет речь ниже, выступало не столько за массовые действия, сколько за акты индивидуального вооруженного сопротивления государству и капиталистам.

«Безначалие» родилось в Париже

Революционные события в России вызвали оживление среди русских анархистов, проживавших в эмиграции. Надо отметить, что таковых насчитывалось достаточно много, в особенности среди студентов, обучавшихся во Франции. Многие из них стали задумываться о том, не является ли традиционная программа анархо-коммунизма в духе П.А.Кропоткина и его соратников по группе «Хлеб и воля» чересчур умеренной, не стоит ли подходить к тактике и стратегии анархизма с более радикальных позиций.

Весной 1905 года во Франции появилась Парижская группа анархистов-коммунистов «Безначалие», а в апреле 1905 года вышел первый номер журнала «Листок группы „Безначалие“». В программном Заявлении безначальцы делали первоочередной вывод: истинный анархизм чужд всякого доктринерства и может восторжествовать лишь как революционное учение. Этим они прозрачно намекали на то, что «умеренный» анархо-коммунизм в духе П. А. Кропоткина нуждается в пересмотре и приспособлении к современным условиям.

Учение безначальцев представляло собой радикализованный анархо-коммунизм, который добавлялся идеей Бакунина о революционной роли люмпен-пролетариата и махаевским неприятием интеллигенции. Чтобы не топтаться на од-

ном месте и не скатываться в болото оппортунизма, анархизм, по мнению авторов Заявления безначальцев, должен был поставить в своей программе девять принципов: классовую борьбу; анархию; коммунизм; социальную революцию; «беспощадную народную расправу» (вооруженное восстание); нигилизм (ниспровержение «буржуазной морали», семьи, культуры); агитацию среди «черни» – безработных, босняков, бродяг; отказ от любого взаимодействия с политическими партиями; интернациональную солидарность.

Однофамилец царя по прозвищу «Бидбей»

Журнал «Листок группы „Безначалие“» издавало редакторское трио – Степан Романов, Михаил Сущинский и Екатерина Литвин. Но первую скрипку в группе, конечно, играл двадцатидевятилетний Степан Романов, известный в анархистских кругах под прозвищем «Бидбей». На сохранившейся до наших дней фотографии – темноволосый бородатый молодой мужчина со смуглыми, явно кавказскими, чертами лица. «Маленького роста, худой, с темно-пергаментной кожей и черными на выкат глазами, он по своему темпераменту был необычайно подвижен, горяч и порывист. У нас, в Шлисельбурге, за ним установилась репутация острошлова, и действительно, порою он бывал очень остроумен», – вспоминал о Романове-Бидбее встречавшийся с ним в царских тюрьмах Иосиф Генкин (Генкин И. И. Анархисты. Из воспоминаний политического каторжанина. – Былое, 1918, №3 (31). Стр.168.).

Анархисту Бидбею «повезло» не только с фамилией, но и с местом рождения: однофамилец императора, Степан Михайлович Романов был и земляком Иосифа Виссарионовича Сталина. Идеолог «безначальцев» родился в 1876 году в небольшом грузинском городке Гори Тифлисской губернии. Его мать была богатой землевладелицей. Дворянина по про-

исхождению, да еще и сына состоятельных родителей, Романова могло ждать безбедное и беззаботное будущее правительственного чиновника, предпринимателя, на худой конец – инженера или ученого. Однако, как и многие его ровесники, он предпочел всецело отдаться революционной романтике.

После окончания землемерного училища, Степан Романов в 1895 году поступил в Горный институт в Санкт-Петербурге. Но очень быстро прилежная учеба надоела молодому человеку. Его захватывали общественно-политические проблемы, студенческое движение и в 1897 году он примкнул к социал-демократам. Первый арест последовал 4 марта 1897 года – за участие в знаменитой студенческой демонстрации у Казанского собора. Но на юношу эта «превентивная мера» повлияла совсем не так, как того хотелось полицейским чиновникам. Он стал еще более активным противником самодержавия, организовывал студенческие кружки в Горном и Лесотехническом институтах.

В 1899 году Степана Романова арестовали второй раз и посадили в знаменитую тюрьму «Кресты». После двухмесячного заключения в административном порядке беспокойного студента выслали на родину сроком на два года. Но что было делать молодому революционеру в провинциальном Гори? Уже в следующем 1900-м году Романов нелегально приехал в Донбасс, где вел социал-демократическую пропаганду среди шахтеров. В 1901 году бывший студент вернулся

в Петербург и восстановился в Горном институте. Разумеется, не ради учебы, а ради общения с молодежью и создания революционных кружков. Вскоре, однако, его из учебного заведения исключили.

Окончательно определившись с выбором в качестве жизненного пути «карьеры» профессионального революционера, Степан Романов отправился за границу. Он побывал в Болгарии, Румынии, во Франции. В Париже Романов получил возможность поподробнее познакомиться с историей и теорией различных направлений мировой социалистической мысли, в том числе и с анархизмом, практически не известным в то время в границах Российской империи. Идеал безвластного и бесклассового общества заворожил молодого эмигранта. Он окончательно забросил социал-демократические увлечения юности и перешел на анархо-коммунистические позиции.

В 1903 году Романов поселился в Швейцарии и примкнул к действовавшей в Женеве группе русских анархистов-коммунистов, оставаясь в ее рядах до 1904 года. В это же время он принял участие в создании «социалистического, революционно-технического журнала» с недвусмысленным призывом «К оружию!» (Sa ceorfees) в качестве названия. Вместе с Романовым в издании журнала «К оружию!», вышедшего двумя номерами на русском и французском языках, участвовали сподвижница Кропоткина Мария Гольдсмит-Корн, хлебоволец Г.Г. Деканозов и знаменитый специалист по раз-

облачению провокаторов социалист-революционер В. Бурцев. Вышло два номера, причем в первом, за 1903-й год в качестве места издания в целях конспирации был обозначен Париж, а во втором, за 1904-й год – Царевококшайск. В 1904 году Степан Романов вернулся из Женевы в Париж, где участвовал в издании газеты «La Georgie» («Грузия»), руководил издательской деятельностью группы «Анархия».

Парижские последователи Кропоткина не очаровали, а, скорее, разочаровали Романова. Он был настроен гораздо более радикально. Наблюдая за нараставшей социальной напряженностью в России и радикальными действиями первых российских анархистов-коммунистов в Белостоке, Одессе и других городах, Романов считал чересчур умеренными позиции ортодоксальных кропоткинцев – «хлебовольцев».

Размышления Романова о радикализации анархистского движения вылились в создание Парижской группы анархистов-коммунистов «Безначалие» и выпуск журнала «Листок группы „Безначалие“» в апреле 1905 года. В июне-июле 1905 года вышел сдвоенный №2/3 журнала, а в сентябре 1905 – последний четвертый номер. В журнале печатались, помимо воззваний «безначальцев», материалы о положении дел в Российской империи и о действиях на ее территории анархистских групп. Журнал прекратил свое существование после четвертого номера – во-первых, из-за источника финансирования, а во-вторых – из-за отъезда самого Степана Романова в Россию, последовавшего в декабре 1905 года.

В чем была суть идеологии безначальцев?

Свою социально-политическую и экономическую программу безначальцы старались изложить максимально доступно для «черни», даже несколько примитивно по форме изложения. Для группы «Безначалие», разделявшей, вслед за Михаилом Бакуниным, глубокую веру в богатые революционные творческие способности русского крестьянства и люмпен-пролетариата, было присуще достаточно негативное отношение к интеллигенции и даже к «сытым» и «довольным» квалифицированным рабочим.

Ориентируясь на работу среди беднейшего крестьянства, чернорабочих и грузчиков, подёнщиков, безработных и босняков, безначальцы обвиняли более умеренных анархистов – «хлебовольцев» в том, что они зациклились на промышленном пролетариате и «предали» интересы самых обездоленных и угнетенных слоев общества, тогда как именно они, а не относительно благополучные и материально обеспеченные специалисты, больше всего нуждаются в поддержке и представляют собой наиболее податливый для революционной пропаганды контингент.

Безначальцами за границей и в России было выпущено несколько воззваний, которые дают возможность представить себе теоретические взгляды группы на организацию

борьбы против государства и на организацию анархического общества после победы социальной революции. В воззваниях к крестьянам и рабочим анархисты «Безначалия» старательно обыгрывали укоренившуюся в простонародной среде идеализацию жизни в старой, патриархальной Руси, наполняя их анархистским содержанием. Так, в одной из листовок «анархистов-общинников» (российских безначальцев) говорилось: «было время, когда на Руси не было ни помещиков, ни царей, ни чиновников, а все люди были равны, и земля в то время принадлежала только народу, который работал на ней и делился ею между собою поровну».

Дальше в той же листовке раскрывались причины крестьянских бедствий, для объяснения которых безначальцы ссылались на знакомый большинству даже самых темных крестьян исторический сюжет о татаро-монгольском иге: «Но вот напала на Русь татарщина, завела на Руси царевичину, понасажала по всей земле помещиков, а свободных людей в холопы превратила. До сих пор еще жив этот дух татарский – гнет царский, до сих пор они над нами издеваются, бьют нас и по тюрьмам сажают» (Воззвание анархистов-общинников «Братья крестьяне!» – Анархисты. Документы и материалы. Том 1. 1883—1917. М., 1998. С. 90).

В отличие от анархистов кропоткинского направления, безначальцы придерживались «террористического» курса, то есть не только допускали возможность индивидуального и массового террора, но и считали его одним из важнейших

средств борьбы с государством и капиталом. Массовый террор безначальцы определяли как террористические акты, совершаемые по инициативе народных масс и только их представителями.

Они подчеркивали, что массовый террор является единственным народным приемом борьбы, всякий же другой террор, руководимый политическими партиями (например, эсерами) эксплуатирует силы народа в корыстных интересах политиканов. Для террора анархистского безначальцы рекомендовали угнетенным классам создавать не централизованные организации, а кружки по 5—10 человек из самых боевых и надежных товарищей. За террором признавалось решающее значение в деле пропаганды революционных идей среди народных масс.

Наряду с массовым террором, в качестве подготовительного средства к социальной революции и метода пропаганды действием безначальцы называли и «частичную экспроприацию» готовой продукции из складов и магазинов. Чтобы не голодать во время забастовок, не терпеть нужду и лишения, безначальцы предлагали рабочим захватывать магазины и склады, громить лавки и забирать из них и хлеб, и мясо, и одежду.

Еще одним неоспоримым достоинством листовок безначальцев было то, что в них не только давалась критика существующего строя, но и тут же давали рекомендации, что и как следует делать и обрисовывали идеал общественного

устройства. Безначальцы выступали за равный раздел земли между крестьянами, обмен продукцией между городом и деревней, захват фабрик и заводов. Критиковались парламентская борьба и профсоюзная деятельность. Революция виделась безначальцам как всеобщая захватная стачка, осуществляемая дружинами рабочих и крестьян.

После того, как анархическое восстание завершится успехом, безначальцы предполагали собрать все население города на площадь и решить с общего согласия, какое количество часов должны работать мужчины, женщины и «слабые» (подростки, инвалиды, старики) для поддержания существования коммуны. Безначальцы заявляли, что для обеспечения своих потребностей и реальных потребностей общества каждому взрослому человеку вполне достаточно работать по четыре часа в день.

Распределение товаров и услуг безначальцы стремились организовать по коммунистическому принципу «каждому – по потребностям». Для организации учета производимых товаров предполагалось создать статистические бюро, в которые выбирались бы самые порядочные товарищи от всех фабрик, мастерских и заводов. Результаты ежедневных подсчетов продукции печатались бы в новой, созданной специально для этой цели, ежедневной газете. Из этой газеты, как писали безначальцы, каждый смог бы узнать, где и сколько хранится материала. Каждый город рассылал бы эти статистические газеты в другие города, чтобы оттуда могли бы

выписать производимые товары и, в свою очередь, выслать свою продукцию.

Отдельное внимание уделили железным дорогам, по которым, как говорилось в воззвании, можно будет перемещаться и отправлять товар без всяких платежей и билетов. Работники же железных дорог, от стрелочников до инженеров, будут работать одинаковое количество часов, получат одинаково достойные условия жизни и, тем самым, придут к соглашению между собой.

Дивногорский – необычный «толстовец»

Решение перенести свою деятельность на территорию Российской империи безначальцы приняли еще в самом начале своего существования. Первым в Россию из Парижа в июне 1905 года отправился ближайший сподвижник Бидбея по группе «Безначалие» Николай Дивногорский. Он ехал поездом, по пути разбрасывая из окон вагона листовки с воззваниями к крестьянам, звавшими их восстать против помещиков, жечь помещичьи усадьбы, поля и амбары и убивать полицейских урядников и станowych приставов. Чтобы агитация не казалась голословной, к воззваниям предлагались подробные рецепты изготовления взрывчатых веществ и рекомендации по их применению и по совершению поджогов.

Николай Валерианович Дивногорский (1882—1907) был личностью не менее интересной и примечательной, чем идеолог группы Бидбей-Романов. Если Романов до перехода к анархизму был социал-демократом, то Дивногорский сочувствовал... пацифистам-толстовцам, отчего и любил представляться псевдонимом Толстой-Ростовцев, которым и подписывал свои статьи и брошюры.

Дивногорский тоже имел дворянское происхождение. Он родился в 1882 году в Кузнецке Саратовской губернии

в семье отставного коллежского регистратора. «Человек подвижный и непоседливый, имел характер непосредственный, темперамент сугубо-сангвинический. Вечно он носился со множеством планов и проектов... По складу своей души искренний фанатик, отзывчивый добряк, что называется, рубаха-парень, с очень некрасивым, но очень привлекательным лицом...», – характеризовал его И. Генкин в воспоминаниях об участниках группы безначальцев (Генкин И. И. Анархисты. Из воспоминаний политического каторжанина. – Былое, 1918, №3 (31). С. 172).

Достаточно непосредственный в бытовых вопросах человек, Николай Дивногорский вел себя так, как будто бы был современным киником, последователем «жившего в бочке» Диогена Синопского. И. Гескин вспоминает: проходя мимо огорода какого-то помещика и будучи очень голоден, он накопал себе картошек и совершенно открыто, ни от кого не таясь, развел костер, чтобы ее приготовить. Его поймали с поличным и побили. Возмущенный Дивногорский в ту же ночь поджег помещика.

Из Камышинского реального училища Николая Дивногорского отчислили «за плохое поведение» в 1897 году. Он продолжил учебу в Харьковском университете, где и познакомился с учением христианского анархизма Льва Толстого и стал его горячим сторонником. Отрицавшее государственную власть, призывавшее к бойкоту налогов и призыва на военную службу, толстовство прельстило студента Дивногор-

ского. Он пропагандировал учение Толстого среди крестьян сел Харьковской губернии, по которым бродил, представляясь народным учителем. В конце концов, в 1900 году Дивногорский окончательно бросил учебу в университете и отправился на Кавказ в колонию последователей Толстого.

Однако, жизнь в кавказской коммуне скорее способствовала его разочарованию в толстовстве. В 1901 году Дивногорский вернулся в Камышин, накрепко усвоив от толстовства не «непротивление злу насилием», а отрицание государства и всех связанных с ним обязательств, в том числе и военной службы. Скрываясь от призыва в армию, в 1903 году он уехал за границу и поселился в Лондоне. Вращаясь среди тамошних последователей Толстого, он познакомился с анархизмом и стал его сторонником и активным пропагандистом.

В январе 1904 года Дивногорский отправился из Лондона в Бельгию с грузом анархистской литературы, которую следовало переправить в Россию. Кстати, вместе с анархистскими прокламациями он, по старой памяти, вез и толстовские брошюры. В городе Остенде Николая Дивногорского арестовали бельгийские власти, обнаружив у молодого русского фальшивый паспорт на имя В. Власова. 6 февраля 1904 года уголовный суд города Брюгге приговорил задержанного анархиста к 15-дневному аресту, который был заменен высылкой из страны.

В Париже Дивногорский примкнул к безначальцам и от-

правился в Россию создавать нелегальные группы. Интересно, что безначальцы, поставив своей целью создание групп в России, решили «не мелочиться» и выбрали для своей пропагандистской деятельности столицы – Москву и Петербург, в которых к 1905 году анархистское движение было гораздо менее развито, чем в западных губерниях.

Прибыв в Петербург, Дивногорский сразу же принялся за поиск каких-либо анархистских или полуанархистских групп, которые могли бы действовать в городе. Однако, собственно анархистов в начале 1905 года в столице практически не было. Существовала только «идейно близкая» группа «Рабочий заговор». С ней и начал сотрудничать Дивногорский, выискивая точки соприкосновения и склоняя ее активистов на сторону «Безначалия».

Группа «Рабочий заговор» стояла на позициях «махаевщины» – учения Яна Вацлава Махайского, негативно относившегося к интеллигенции и политическим партиям, в которых он видел средство интеллигенции для управления рабочими. Махайский безоговорочно относил интеллигенцию к эксплуататорскому классу, поскольку она существует за счет рабочего класса, используя свои знания в качестве орудия для эксплуатации трудящихся. Он предостерегал рабочих от увлечения социал-демократией, подчеркивая, что социал-демократические и социалистические партии выражают классовые интересы не рабочих, а именно интеллигенции, которая рядится в тогу защитников трудящих-

ся, но на самом деле просто стремится к завоеванию политического и экономического господства.

Лидерами «махаевцев» Петербурга были два весьма непохожих друг на друга человека – Софья Гурари и Рафаил Марголин. Революционерка со стажем с конца XIX века, Софья Гурари еще в 1896 году была сослана за участие в одной из неонароднических групп в Сибирь. В глухой якутской ссылке она познакомилась с другим ссыльным революционером – тем самым Яном Вацлавом Махайским, и стала сторонницей его теории «рабочего заговора». Вернувшись спустя 8 лет в Петербург, Гурари возобновила революционную деятельность и создала махаевский кружок, к которому примкнул шестнадцатилетний водопроводчик Рафаил Марголин.

Анархисты-общинники в Петербурге

Познакомившись с Дивногорским, махаевцы прониклись идеями группы «Безначалие» и перешли на анархистские позиции. На привезенные им деньги группа создала небольшую типографию и с сентября 1905 года приступила к регулярному выпуску листовок, которые подписывала «анархисты-общинники». В том, что группа предпочитала называть себя не анархистами-коммунистами, а именно анархистами-общинниками. Листовки распространялись на собраниях рабочих и учащейся молодежи. Из последней и удалось петербургским анархистам-общинникам набрать некоторое количество активистов. К октябрю 1905 года были изданы две брошюры – «Вольная воля» тиражом в две тысячи экземпляров, и «Манифест крестьянам от анархистов-общинников» тиражом в десять тысяч экземпляров.

В то же время, когда в Петербург прибыл Николай Дивногорский, другой видный анархист – «безначалец», двадцатилетний Борис Сперанский, с грузом литературы направился организовывать группы «Безначалия» на юге России, в том числе в Тамбове. Как и Романов с Дивногорским, Сперанский тоже был недоучившимся студентом, успевшим побывать под полицейским надзором и пожить в Париже в эмиграции. После двухмесячного пребывания в Париже, Сперанский вернулся в Россию, где работал на нелегальном по-

ложении вплоть до появления царского Манифеста 17 октября 1905 года о «даровании свобод».

Осенью 1905 года Сперанский участвовал в создании анархистских групп в Тамбове, вел работу среди крестьян окрестных сел Тамбовской губернии, организовал типографию, но вскоре снова был вынужден уйти в подполье и покинуть Тамбов. Обосновался Сперанский в Петербурге, где жил под именем Владимир Попов. Напарником Сперанского по агитации в Тамбове стал сын священника Александр Соколов, подписывавшийся «Колосов».

В декабре 1905 года в Россию из парижской эмиграции вернулся и сам Степан Романов-Бидбей. С его прибытием группа анархистов-общинников переименовалась в группу анархистов-коммунистов «Безначалие». Ее численность составила 12 человек, в том числе несколько студентов, один исключенный семинарист, одна женщина-врач, трое бывших гимназистов. Хотя безначальцы старались поддерживать связи с рабочими и матросами, наибольшее влияние они имели среди учащейся молодежи. Им охотно давали деньги, предоставляли квартиры для собраний.

Однако, уже в январе 1906 года полицейский провокатор, проникший в ряды безначальцев, сдал актив группы полиции. Полиция арестовала 13 человек, обнаружены типография, склад литературы, стрелковое оружие, бомбы и яды. Семерых арестованных вскоре пришлось отпустить за недостаточностью улик, зато к оставшимся присоединили Спе-

ранского и задержанного в Тамбовской губернии Соколова.

Суд над безначальцами состоялся в ноябре 1906 года в Петербурге. Все арестованные по делу анархистов-общинников, в том числе и неформальный лидер группы Романов-Бидбей, по приговору Петербургского военно-окружного суда были приговорены к 15 годам заключения, только двоим несовершеннолетним, двадцатилетнему Борису Сперанскому и семнадцатилетнему Рафаилу Марголину в силу возраста срок заключения уменьшили до десяти лет. Хотя на свободе остались некоторые активные участники группы, в том числе восемнадцатилетняя работница Зоя Иванова, работавшая в типографиях и дважды приговаривавшаяся к смертной казни, по петербургским анархистам-общинникам «безначальцам» был нанесен сокрушительный удар. Лишь двоим безначальцам удалось выскользнуть из лап царской полиции.

Бывший студент Владимир Константинович Ушаков, тоже дворянин по происхождению, но прекрасно ладивший с петербургскими фабричными рабочими и известный среди них под прозвищем «Адмирал», успел бежать и скрылся на территории Галиции, входившей тогда в состав Австро-Венгрии. Впрочем, вскоре он объявился в Екатеринославе, а затем в Крыму. Там, во время неудачной экспроприации в Ялте, Ушаков был схвачен и отправлен в севастопольскую тюрьму. Предпринятая им впоследствии попытка побега провалилась и «Адмирал» покончил с собой, выстрелив

из револьвера себе в голову.

Дивногорскому, которого полиция успела арестовать при ликвидации группы, удалось избежать каторги. Помещенный под стражу в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, он вспомнил свой опыт «уклониста» от военной службы, симулировал сумасшествие и был помещен в больницу Святого Николая Чудотворца, исчезнуть из которой было попроще, чем бежать из казематов Петропавловской крепости.

В ночь на 17 мая 1906 года, за несколько месяцев до суда над петербургскими «безначальцами», Дивногорский бежал из больницы и, нелегально пробравшись через границу, эмигрировал в Швейцарию. Обосновавшись в Женеве, Дивногорский продолжал активную анархистскую деятельность. Он попытался создать собственную группу – Женевскую организацию анархистов-коммунистов всех фракций и печатное издание «Голос пролетария. Вольная трибуна анархистов-коммунистов», которые могли бы стать основой объединения всех русских анархо-коммунистов. Но попытки Дивногорского начать объединительный процесс русского анархического движения за границей не увенчались успехом.

Вместе с некими Дубовским и Даниловым в сентябре 1907 года совершил попытку ограбления банка в Мontre. Оказав вооруженное сопротивление полиции, «безначалец» был схвачен и помещен в Лозаннскую тюрьму. Суд приго-

ворил Дивногорского к 20 годам каторжных работ. В своей камере русский анархист и умер от сердечного приступа. Американский историк П. Эврич излагает, впрочем, версию, будто бы Дивногорский сгорел заживо, облив себя в камере Лозаннской тюрьмы керосином из лампы (Эврич Пол. Русские анархисты. 1905—1017. М., 2006. С.78).

Александр Соколов, переведенный из Петербурга в Нерчинскую каторжную тюрьму, был отправлен в вольную команду и в 1909 году покончил с собой, бросившись в колодец. Степан Романов, Борис Сперанский, Рафаил Марголин дожили до революции 1917 года, вышли на свободу, но уже не принимали активного участия в политической деятельности.

Так закончилась история группы «безначальцев» – примера создания наиболее крайней в плане политического и социального радикализма, версии анархо-коммунистической идеологии. Естественно, что излагавшиеся безначальцами утопические идеи были нежизнеспособны и именно в силу этого участники группы так и не смогли создать эффективно действующую организацию, которая могла бы стать сравнимой по масштабам деятельности даже с другими анархистскими группами, не говоря уже о социалистах-революционерах и социал-демократах.

Очевидно, что группе и не было суждено добиться успеха, учитывая официально провозглашенную ориентацию на «босьяков» и «чернь». Городские деклассированные эле-

менты могут быть хороши в разрушении, но они совершенно не способны к созидательной, конструктивной деятельности. Пораженные всевозможными социальными пороками, они лишь превращают социальную активность в мародерства, грабежи, насилие над мирным населением и, в конечном итоге, скорее дискредитируют саму идею социальных преобразований. Впрочем, то, что в рядах группы преобладали бывшие студенты дворянского и мещанского происхождения, скорее говорит о том, что далекие от народа «баре» не понимали действительной природы «социального дна», идеализировали его, наделяли отсутствующими в реальной действительности качествами.

С другой стороны, ориентация безначальцев на террористические методы борьбы и экспроприации, сама по себе криминализовывала это направление в анархизме, автоматически превращая его скорее в источник опасности в восприятии большей части мирных жителей, чем в привлекательное движение, способное повести за собой широкие слои населения. Отпугивая от себя, в том числе, и тех же самых рабочих и крестьян, безначальцы своей криминальной и террористической ориентацией сами лишали себя социальной поддержки и, соответственно, внятного политического будущего, перспектив своей деятельности. Тем не менее, опыт изучения истории подобных групп ценен тем, что дает возможность представить все богатство политической палитры Российской империи в начале XX века, в том числе и в ее

радикальном сегменте.

Глава 3. Как город ткачей Белосток стал центром русского анархизма

К началу XX века Белосток, уездной город Гродненской губернии, представлял собой центр целого промышленного района, главную роль в котором играло текстильное и кожевенное производство – от мелких полукустарных мастерских до больших мануфактур. Город населяло многотысячное польское и еврейское население, среди которого преобладали промышленные рабочие и ремесленники, занятые в текстильном производстве. Естественно, что на рубеже XIX – XX вв. здесь, как и в других регионах Российской империи, распространились революционные настроения. В Белостоке они нашли плодородную почву не только по причине промышленного характера этого города, но и в силу его вхождения в т.н. «черту оседлости». Еврейское население Белостока оказалось наиболее податливым к революционной агитации, что объяснялось его низким статусом в системе национальной политики Российской империи.

Свою роль сыграл и тот факт, что дети более-менее зажиточных евреев в массе своей отправлялись учиться за границу – прежде всего, в Германию, Швейцарию и Францию, где сталкивались с пропагандой европейских революционе-

ров и воспринимали их идеологические воззрения. С другой стороны, среди малоимущей части еврейского населения была развита временная трудовая миграция в европейские страны. Гастарбайтеры из западных уголков Российской империи, сталкиваясь в Европе со студентами-пропагандистами, становились еще более убежденными революционерами, чем сами агитаторы из «приличных семей».

Именно из Европы в Белосток пришел и анархизм – третья по влиянию, после социал-демократической и социал-революционной, левая идеология в дореволюционной России. Так, в 1903 году в Белостоке появился некий Шломо Каганович, до этого шесть лет проведший в Великобритании, Франции и Швейцарии на заработках. В августе 1903 года вместе с Григорием Брумером он создал первую на территории Российской империи анархистскую организацию – Интернациональную группу анархистов-коммунистов «Борьба», в состав которой вошло 10 активистов.

Для агитационной деятельности имевшихся в наличии группы листовок и брошюр для удовлетворения спроса рабочей массы на анархистскую пропаганду было явно недостаточно. Не хватило и присланной в январе 1904 года из-за границы литературы. Своих же авторов, да и денег на печать, у начинающих белостокских анархистов не было. Не было, у кого и искать помощи. К этому времени в Российской империи анархистский кружок, кроме Белостока, существовал только в небольшом городке Нежин в Черниговской губер-

нии.

Но белосточанам было известно лишь про группу «Непримиримые», действовавшую в Одессе и состоявшую из симпатизировавших анархизму махаевцев – сторонников оригинальной теории рабочего заговора польского революционера Яна Вацлава Махайского. Ходили слухи, что у «Непримиримых» сравнительно хорошо обстоят дела и с литературой, и с деньгами. Надежды белосточан на помощь со стороны одесских махаевцев оправдались: «Непримиримые» передали эмиссару белостокских анархистов Ицхоху Блехеру литературу и некоторую сумму денег и он, с чувством выполненного долга, вернулся в Белосток.

Борьба группы «Борьба»

С самого начала своего существования белостокские анархисты не преминули перейти не только к пропагандистской деятельности, но и к более радикальным акциям. Жертвами покушений и террористических актов становились поначалу сотрудники административных органов и полиции. Так, после того, как в июле 1903 года полиция разогнала митинг в одном из предместий Белостока, анархисты тяжело ранили городского Лобановского, а спустя еще несколько дней стреляли в полицмейстера Белостока Метленко.

Покушения на полицейских способствовали росту популярности анархистов среди части радикально настроенной молодежи, в глазах которой городские и приставы символизировали существующий политический и социальный порядок. По мере активизации своей пропагандистской деятельности, анархисты привлекали на свою сторону все большее количество белостокской рабочей и безработной молодежи.

В 1904 году Белосток и его предместья были охвачены глубоким экономическим кризисом. Мастерские и фабрики сократили объемы производства или же вообще простаивали. Тысячи людей оказались без средств к существованию. Особенно тяжким было положение иногородних – выходцев из белостокских предместий, прибывших в город в поисках работы. Иногородние в первую очередь и стали жерт-

вами сокращения на предприятиях и тотальной безработицы. Среди голодных людей росло недовольство. В конце концов, оно вылилось в массовый бунт на белостокском базаре. Толпы голодающих безработных устремились захватывать и громить булочные и мясные лавки. У лавочников насильно отбирали продукты, прежде всего хлеб. Выступление безработных удалось подавить с очень большим трудом. Сотни мастеровых были арестованы, иногородние в принудительном порядке высылались из Белостока по месту рождения.

В конце лета 1904 года, в разгар экономического кризиса, на ткацкой фабрике известного в Белостоке предпринимателя Аврама Когана вспыхнула стачка. Коган был правоверным иудеем и возглавлял «Агудас Ахим» – своего рода профессиональный союз белостокских фабрикантов и предпринимателей. Требования бастующих рабочих он удовлетворять не собирался. Вместо этого, с помощью белостокского полицмейстера, Коган организовал выписку из Москвы рабочих, готовых заменить забастовщиков у станка. Бастовавших Коган уволил. Этот поступок вывел из себя даже относительно умеренных в плане радикальных действий еврейских социал-демократов из партии «Бунд». Бундовцы направили на фабрику Когана 28 боевиков, чтобы снять с работы «штрейкбрейхеров». Боевики порезали сукно на двух станках, но «штрейкбрейхерам» удалось отбить нападение с помощью железных валиков и избить боевиков. Один бундовец погиб, остальные бежали. Прибывшая полиция начала

аресты среди бастовавших рабочих.

Отреагировать, но по-своему, решили и белостокские анархисты. 29 августа 1904 года, во время иудейского праздника Судного дня, анархист Нисан Фарбер подстерег Аврама Когана у входа в синагогу в белостокском предместье Крынки и нанес ему два удара кинжалом – в грудь и в голову. Это был первый акт экономического террора не только в Белостоке, но и во всей Российской империи.

Немного о личности покушавшегося, которая имеет значение, прежде всего, как типичный портрет белостокского (и вообще западнороссийского) анархиста тех времен. Нисану Фарберу было всего восемнадцать лет. Он родился в 1886 году в местечке Порозове Волковысского уезда Гродненской губернии в очень бедной семье. Мать Нисана вскоре умерла, а отец влачил существование нищего при местной синагоге. Ребенок был отдан на попечение в чужую семью. Так как он проявлял большое стремление к учебе, в восьмилетнем возрасте мальчика отдали в еврейскую благотворительную школу в Белостоке. Через два года, не имея возможности продолжать обучение в школе, Нисан поступил учеником в пекарню. Когда в Белостоке появились первые анархисты, Нисан увлекся их идеями.

Во время голодного бунта на белостокском базаре Нисан предводительствовал толпой безработных. Как один из зачинщиков, он был арестован и, по этапу, выслан в родной Порозов. Но вскоре он нелегально вернулся в Белосток

и стал проводить экспроприации продуктов, переправляя их политическим и уголовным заключенным. Когда Нисан передавал продукты в тюрьму, его арестовали, жестоко избили в полицейском участке и выслали из города. Но Нисан вернулся. Шесть раз его ловили на переправке передач и высылали в Порозов, и шесть раз он снова возвращался в Белосток.

Впрочем, после покушения на Когана Фарбер прожил недолго. 6 октября 1904 года, Фарбер под видом посетителя зашел в первый полицейский участок Белостока. Он рассчитывал встретить здесь всю камарилью высших полицейских чинов во главе с полицмейстером. Но старших офицеров не было, а промедление могло обойтись дорого. Движение руки – и раздался оглушительный взрыв. Когда дым рассеялся, на полу валялись обезображенные тела раненых и убитых. Осколками «македонки» были ранены полицейский надзиратель, двое городских, секретарь полиции и убиты двое посетителей, случайно оказавшихся в канцелярии полицейского отделения.

Покушение на Когана и взрыв в полицейском участке открыли многолетнюю эпопею кровавых террористических актов, жертвами которых далеко не всегда становились люди, хоть сколько-либо причастные к реальной эксплуатации рабочих или полицейским репрессиям против революционных организаций. Очень часто гибли просто оказавшиеся не в то время не в том месте случайные прохожие, младшие чины

полицейские, дворники. Наиболее радикальная часть анархистов разработала даже концепцию «безмотивного террора», в соответствии с которой любой более-менее состоятельный человек был априори виновен в том, что он богаче голодающих люмпен-пролетариев и поэтому достоин смерти.

10 января 1905 года Бенъямин Фридман бросил бомбу в белостокскую синагогу, где шло заседание союза купцов и промышленников «Агудас ахим». В апреле 1905 года перешедший к анархистам от социал-революционеров Арон Елин (Гелинкер) убил дворника, известного полицейского доносчика.

В этот же период в Белостоке начинают распространяться идеи небезызвестной группы «Черное знамя». Эта фракция в дореволюционном анархистском движении занимала более радикальные позиции, чем последователи Петра Кропоткина, и призывала к немедленному террору против государства и капиталистов.

Несмотря на то, что выражавший точку зрения направления журнал «Черное знамя» вышел единственным номером, в декабре 1905 года в Женеве, пропагандируемые им идеи прямого действия оказались созвучны настроениям многих анархистов, в особенности белорусских, литовских и украинских. Не удивительно, что и ведущим идеологом «Черного знамени» стал активный участник Белостокской интернациональной группы анархистов-коммунистов «Борьба» Иуда Гроссман, писавший под псевдонимом Рошин.

Вскоре после событий 9 января 1905 года в Петербурге, белостокский комитет социал-демократической партии «Бунд» объявил всеобщую политическую стачку. Чуть позже вторую всеобщую стачку объявили комитеты Партии социалистов-революционеров и Партии польских социалистов. Хотя анархисты не принимали активного участия в стачках из-за неприятия ими политической деятельности партий, они старательно агитировали рабочих, стремясь их радикализовать.

В конце концов, рабочие выдвинули экономические требования. Предприниматели Белостока пошли на их удовлетворение – на фабриках и заводах был сокращен рабочий день с 10 до 9 часов, в мастерских – до 8 часов, а заработная плата увеличена на 25 – 50%. Но удовлетворение требований рабочих только заставляло их поверить в успех радикальных действий. Ситуация накалялась. Для усмирения рабочих буржуазия вызвала казаков. Последние, конечно, не всегда были корректны с жителями Белостока и, в конечном итоге, город начал самоорганизовываться для противостояния присланным казачьим подразделениям. Первыми выступили извозчики, среди которых анархистские идеи давно пользовались популярностью, – они создали вооруженный отряд. Вслед за извозчиками вооруженный отряд появился и у самой группы анархистов-коммунистов «Борьба».

Пропагандируемая анархистами тактика прямого действия приобретала все большую популярность и среди ря-

довых членов «Бунда» и Партии социалистов-революционеров. Скрывая свои действия от партийного руководства, эсеры и бундовцы напали в белостокской синагоге на фабриканта Вейнрейха, который был одним из инициаторов вызова в город казаков. В мае 1905 года в Белостокскую группу анархистов-коммунистов «Борьба» вступила в полном составе вся т.н. «агитационная сходка» местного комитета Партии социалистов-революционеров.

К маю 1905 года численность группы «Борьба», еще совсем недавно не превышавшая двенадцати товарищей, выросла почти до семидесяти человек. Чтобы облегчить работу группы и координацию действий ее участников, было решено разделить «Борьбу» на пять «федераций», которые формировались по двум основополагающим принципам – или по условиям работы, или на основе товарищеских симпатий и личных привязанностей. «Эсеровская федерация» объединила выходцев из Партии социалистов-революционеров, перешедших на анархистские позиции. «Польская федерация» ориентировалась на пропаганду среди польских рабочих – наиболее изолированной части белостокского пролетариата, среди которой, в силу языковых различий (поляки не владели идиш, а евреи – польским), анархисты прежде практически не вели работу.

За направления деятельности всей группы отвечали три «федерации» – техническая, вооруженная и литературная. Техническая «федерация» ведала только типографией. Во-

оруженная обеспечивала белостокских анархистов оружием, в первую очередь – бомбами. Литературная же «федерация» играла роль интеллектуального центра, снабжая группу литературой, привозимой из-за границы, и отдавая в типографию рукописи воззваний и листовок. Укреплению позиций анархистов в Белостоке немало способствовало создание собственной нелегальной типографии «Анархия», на которой печатались брошюры и листовки. На нужды типографии на общей сходке анархистов было собрано 200 рублей. Но решающее значение для ее создания имела экспроприация в одной из частных типографий Белостока, во время которой анархистам удалось захватить более 20 пудов типографского шрифта. Деятельностью типографии «Анархия» руководил Борис Энгельсон.

В 1905 году как в самом городе, так и в его предместьях, произошел целый ряд стачек рабочих текстильной и кожевенной промышленности. Одна из таких стачек произошла в местечке Хорощ вблизи Белостока. Здесь, в имении Моэса, на суконной фабрике и на сельскохозяйственных работах трудилось более семи тысяч человек. Когда началась забастовка, то в ней приняли участие и суконщики, и сельскохозяйственные рабочие. Первым делом бастующие захватили амбары и погреба имения. Моэс бежал за границу. Рабочие ждали его возвращения несколько дней, а потом, видя, что Моэс, опасаясь расправы, не вернется, решили занять мастерские. Когда Моэсу сообщили о происходящем

по телеграфу, он поспешил немедленно пойти на уступки. Помимо этого выступления, весной и летом 1905 года произошло несколько стачек сапожников, портных, кожевников, пекарей, маляров и столяров. Достаточно крупным было выступление рабочих-щетинщиков в местечке Тростяны в июне 1905 года.

Активизация анархистов в Белостоке и его предместьях вызвала негативную реакцию среди конкурирующих социалистических партий – эсеров, бундовцев, польских социалистов. Еще в 1904 году бундовский печатный орган «Пролетарий» в №28 отмечал: «Анархисты сделали грозою местных хозяев. Достаточно было упомянуть, что стачкой руководит „группа“, – хозяин или удовлетворял требования, или покидал город. Престиж анархистского кулака поднялся и в глазах рабочей массы. Толковали, что по части ведения стачек пальма первенства принадлежит группистам, что благодаря применению энергичных мер по стороны последних всякая забастовка кончается успехом».

В 1905 же году бундовские социал-демократы стянули для борьбы с анархистами все свои идеологически грамотные силы – по некоторым подсчетам, около 40 теоретически подготовленных агитаторов. Суражская улица, именуемая в народе «биржей», стала местом ожесточенных дискуссий между анархистами и социал-демократами. Дискутировали по парам, вокруг каждой пары спорящих собиралось по 200—300 слушателей. Постепенно анархисты стали в Белостоке

хозяевами положения на левом политическом фланге, оттеснив на второй план все местные комитеты социалистических партий. Все рабочие выступления в городе и окрестных местечках проводились при содействии анархистов.

Коммунары и Белостокское восстание

За расстрелом демонстрации 9 января 1905 года в Петербурге, вызвавшим накал революционного протеста по всей Российской империи, последовало подавление восстания рабочих текстильных предприятий в польском городе Лодзь. Его подавили подразделения регулярной российской армии, что привело к немалым жертвам и вызвало негодование революционно настроенной части населения западных губерний Российской империи.

Разумеется, Белосток, расположенный сравнительно недалеко и тоже являющийся центром текстильной промышленности, воспринял лодзинское восстание наиболее остро. Под его впечатлением среди белостокских чернознаменцев возникла группа «коммунаров», неформальным лидером и идеологом которой был Владимир Стрига (Лapidус). Выдвинутая Стригой идея «временной коммуны» заключалась в том, чтобы поднять в отдельно взятом городе или селе восстание по типу Парижской коммуны 1871 года или Лодзи 1905 года, уничтожить власть, экспроприировать собственность и продержаться под ударами правительственных войск хотя бы некоторое время, прежде чем им удастся подавить восстание. Коммунары понимали, что такая революция в одном отдельно взятом городе будет непременно об-

речена на поражение, но считали, что она будет примером для подражания для рабочих в других городах и населенных пунктах и в конечном итоге приведет к всеобщей революционной стачке.

Стрига стал вынашивать планы вооруженного восстания в Белостоке, намереваясь превратить этот город с наиболее сильным анархистским движением в стране во «вторую Парижскую коммуну». Для этого следовало захватить город, вооружить народ, вытеснить правительственные войска за пределы города. Одновременно с этим должен был идти непрерывный и расширяющийся процесс захвата и экспроприации заводов, фабрик, мастерских и магазинов. Картина Белостока, освобожденного, хотя бы ненадолго, от царской власти, прельстила многих участников анархистской группы. Белостокские анархисты стали всерьез готовиться к восстанию. Прежде всего, для восстания было необходимо обзавестись значительным количеством оружия. Одна из «федераций» группы попыталась провести крупную экспроприацию, но из-за того, что все делалось впопыхах, операция не удалась.

Тем временем, рабочие, не ожидая, пока кто-нибудь даст боевой клич, сами прекратили работу. Более 15—20 тысяч человек выходили на митинги, на которых анархистские ораторы звали к вооруженному восстанию. Через три дня стачка кончилась. Рабочие разошлись по фабрикам и мастерским, но неудача не сломила готовность анархистов к дальнейшим

действиям. На Суражской улице продолжалось противостояние полиции и рабочих, собиравшихся на «бирже». То и дело на рабочей бирже появлялись полицейские, пытавшиеся кого-нибудь арестовать. В таких случаях анархисты избегали открытых столкновений. Пользуясь десятками проходных дворов, выходящих в запутанные рабочие переулки, преследуемого полицией активиста прятали, а сами рассеивались. Полиция оставалась одна на улице, и более четверти часа никто не показывался. А через двадцать пять – тридцать минут улицу снова заполнял народ, образовывались сотни кучек, продолжавшие прерванные дискуссии.

В конце концов, полицейское начальство решило прибегнуть к крайним методам. В граничивших с Суражской улицей переулках разместили несколько рот пехоты. Когда на «бирже» собралось больше всего народу, неожиданно появились солдаты и открыли огонь по собравшимся. Десять человек погибло, еще несколько было ранено. Это произошло около 22 часов, а на следующее утро в городе уже началась всеобщая стачка. То есть, план полицмейстера не только не способствовал умиротворению города, но напротив вызвал в нем массовые волнения. В это время «биржа» на Суражской улице находилась на пике своего подъема. Здесь каждый вечер собиралось до 5 тысяч человек, анархистская агитационная литература расходилась прямо на глазах у полицейских.

31 июля 1905 года полиция и солдаты появились на Су-

ражской улице еще до десяти часов утра. Рабочие же собирались медленно и к часу дня на «бирже» было не более тысячи человек. Солдаты, по приказу офицеров, стали разгонять рабочих. Те не расходились. К рабочему Шустеру подошел один из солдат и приказал ему уйти. «А что будет, если я не уйду?» – спросил Шустер. «Не уйдешь, застрелю» – ответил солдат. Шустер принял слова солдата за шутку и, улыбаясь, сказал «Стреляй». Солдат отошел на несколько шагов и выстрелом в грудь уложил Шустера наповал. Затем раздалось еще несколько выстрелов. На тротуарах лежали раненые. Улица опустела, но уже через десять минут на ее высыпали толпы возмущенных рабочих. Предчувствуя беду, анархисты прошлись по улице, упрашивая рабочих разойтись и не подвергать себя опасности. Тем временем, один из анархистов отправился за бомбой. Он рассчитывал, что пока вернется с ней, улица опустеет и он сможет подорвать полицию. Но расчет оказался неверным.

«Просят уйти с биржи, должно быть будет бомба» – переговаривались рабочие и никто не хотел уходить, желая посмотреть на взрыв. Вернувшийся анархист увидел, что по обоим тротуарам стоят густые толпы рабочих, почти вплотную соприкасаясь с солдатами. Но это не помешало ему кинуть бомбу. Раздался взрыв. Когда дым развеялся, на земле корчились раненые осколками офицер, четыре солдата и сам бомбометатель. Взрывом была убита наповал стоявшая в толпе женщина-пропагандистка из «Бунда». Нача-

лась паника. Через полчаса по всему городу уже шла стрельба.

Утром следующего дня все рабочие Белостока и близлежащих местечек побросали работу. Началась всеобщая стачка, которая длилась до окончания похорон. Во дворе еврейской больницы на митинг собралось около 15 тысяч человек. Через два дня после похорон погибших рабочих, вновь возобновилась деятельность «биржи» на Суражской улице. Город постепенно входил в привычный ритм жизни, оправлялось от удара и рабочее анархистское движение. Уже спустя две недели произошло новое столкновение.

На этот раз причиной послужило то, что владелец сталелитейного завода господин Вечорек потребовал от своих рабочих подписаться под обещанием того, что они в течение года не будут проводить никаких забастовок. Из 800 рабочих завода 180 подписать заявление отказались. За это неблагонадежных рабочих уволили, а квартиру и завод Вечорек окружил солдатами. Но меры безопасности не спасли заводчика. Вечером 26 августа анархисты – поляки Антон Нижборский по прозвищу «Антек» и Ян Гаинский по прозвищу «Митька» проникли в квартиру Вечорек и бросили в ее обитателей две бомбы. В Белостоке было объявлено военное положение. 20 сентября 1905 года была разгромлена издательская группа «Анархия», а ее организатор Борис Энгельсон арестован (впрочем, невзирая на эту неудачу, анархисты вскоре экспроприировали в одной из частных типографий

восемнадцать пудов шрифта).

Как анархисты развязали «Экономический террор»

В сложившихся условиях внутри белостокской группы анархистов начались дискуссии по вопросу о формах деятельности. Все старое ядро группы, симпатизировавшее чернознаменцам, склонялась к усилению боевой составляющей как единственного средства радикализовать классовую борьбу и не дать ей затухнуть. Однако, несколько прибывших из-за границы товарищей, принадлежавших к хлебвольческому течению, выступили за то, чтобы деятельность группы легализовать. Произошел раскол.

Сторонники легализации приняли название группа «Анархия», выпустили статью из «Хлеба и воли» «Анархизм и политическая борьба», а затем прекратили свою деятельность. Радикальное же крыло белостокских анархистов официально провозгласило себя чернознаменцами и реорганизовало группу, преобразовав кружки в профессиональные федерации по цеховому признаку. Предполагалось, что эти федерации, укорененные в среде той или иной профессии, будут брать на себя инициативу стачечных выступлений.

В мае 1906 года в Белостоке началась всеобщая стачка. Первыми забастовали нитяри – около 300 человек. Но по особенностям производства простой в работе нитярей заставил бездействовать и других рабочих текстильной от-

расли – всего несколько тысяч человек. Во время снятия с работы на одной из фабрик произошло столкновение с полицией. Белостокские предприниматели, наконец, решила поставить все точки над «и». «Мы должны решить, кто в городе хозяин – мы или анархисты?» – примерно такой вопрос был поставлен на повестку дня во время собрания крупных предпринимателей города. Объединенные в синдикат фабриканты отказались выполнить требования стачечников. Не выплачивая рабочим зарплату, фабриканты были уверены, что от голода рабочие сами будут вынуждены вернуться на предприятия и продолжить работу. Фабриканты Фрейндкин и Гендлер предложили синдикату капиталистов объявить локаут, уволив всех рабочих с целью заставить их отказаться от стачки. Идею локаута поддержали владельцы многих фабрик.

Одна за другой полетели бомбы в дома фабрикантов Гендлера и Рихерта, которые произвели в особняках значительные разрушения, но никого не ранили. Затем анархист Иосиф Мыслинский кинул бомбу в дом инициатора локаута Фрейндкина. Фабрикант получил сильную контузию. Еще одна бомба взорвалась в квартире директора завода Комихау и ранила его жену.

Лето 1906 года отметилось в Белостоке многочисленными террористическими актами анархистов. Во многом, именно склонность «чернознаменцев» к вооруженным столкновениям и террористическим актам и стала причиной факти-

ческого «затухания» белостокского анархистского движения к 1907 году. Во время террористических актов и перестрелок с полицией погиб весь «цвет» белостокских анархистов. Так, еще 9 мая 1906 года в перестрелке с полицией погиб Арон Елин, следом также в перестрелке с полицейскими был застрелен Беньямин Бахрах. В декабре 1906 года в Варшавской цитадели повесили этапированных из Белостока анархистов – боевиков Иосифа Мыслинского, Целека и Савелия Судобигера (Цальку Портного).

Слонимский побег

Однако, далеко не во всех случаях счет в противостоянии правоохранительной системы и анархистов был 1:0 в пользу власти. Иногда даже будучи арестованными, анархисты представляли опасность – по крайней мере, об этом наглядно свидетельствует событие, вошедшее в историю как «Слонимский побег».

16 марта 1906 года в Белостоке арестовали анархистов, при которых обнаружили начиненные бомбы и пропагандистскую литературу на русском языке и на идиш. Бомбы были фитильные, а у анархистов не было спичек, чтобы поджечь фитиль. Поэтому они не смогли оказать вооруженного сопротивления и их удалось задержать. Первое время задержанных анархистов держали в Белостокском жандармском управлении, там же допрашивали. Перед следователями предстало трое активных рабочих – боевиков белостокской группы – приказчик Абрам Ривкин, пекарь Михаил Капланский и портной Герш Зильбер («Лондонский»). Им предъявили обвинения в принадлежности к организации анархистов-коммунистов и в хранении взрывных снарядов и литературы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.